

Коллекционеры-фалеристы не уверены, хранятся ли в специальных фондах оригиналы орденов, и рассказывают о пропадающих экспонатах.

Центральный военно-морской музей. Мы — корреспондент «Вечернего Петербурга» и его товарищ, сотрудник полиции Новосибирска, — впервые попали в новое здание на Крюковом канале. Приезжий из далекого города увлекается историей флота и наградами за подвиги и свершения. Мечтал увидеть ордена Нахимова I и II степеней.

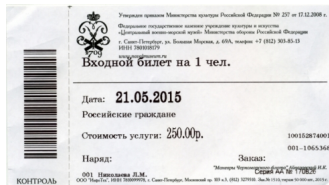
И вот мы добрались до залов, посвященных Великой Отечественной войне, нашли стенд с российскими орденами и медалями. Там все красиво оформлено — ряды наград, под стендом список: такой-то ряд, такие-то ордена. В предвкушении замерли. И вдруг мой товарищ, долгое время изучавший любимую тему, проронил: «Так это же не ордена — это муляжи. Зачем, спрашивается, ехал?»

Обратились к сотрудникам музея. Те подтвердили: «На стенде наград выставлены копии. Экспонаты из драгоценных металлов и камней хранятся в специальном фонде, где особые условия охраны». Да, специальный фонд для драгоценностей, к которым относятся и высшие награды, — это закон. Но, например, в Эрмитаже доступ в Золотую и Бриллиантовую кладовые возможен постоянно. Только нужно записаться на экскурсию. Но посетить спецхраны можно свободно. В Центральном военно-морском музее экспонаты из спецфонда время от времени выставляются. Последняя экспозиция была в прошлом году.

Орден Нахимова I степени принадлежал адмиралу В. Ф. Трибуцу

Но вопросы остаются. Музей берет за вход настоящие деньги, в музее работает охрана... А потом, на стенде тогда для посетителей надо не писать, что «во 2-м ряду пятый слева — орден Нахимова I степени», а писать, что «во 2-м ряду пятый слева — муляж ордена Нахимова I степени».

За вполне реальные деньги в музее можно посмотреть на грубо состряпанные муляжи. Да и муляжи паршивые, констатировал мой товарищ:

— Это литые болванки. Например, орден Отечественной войны I и II степени. Они же сборные. Они должны разбираться — серп и молот отдельно, звезда и лучи отдельно. Медаль Нахимова, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» даже не застарены. Как будто со станка Монетного двора сняты. Орден Нахимова — там рубины должны быть. Они даже не потрудились нечто похожее сделать. А посмотри на орден Александра Невского — на нем вообще эмаль по колосьям размазана. Позорище.

Поинтересовались, когда же можно будет посмотреть на настоящие награды. Никто не знает. Пока выставка специального фонда в планах не стоит.

Орден Ушакова I степени принадлежал Герою Советского Союза адмиралу Ф. С. Октябрьскому.

В общем, из музея вышли разочарованные. А корреспондент «ВП» обратился за разъяснениями к фалеристам — коллекционерам наград. Те разговаривать отказались, только посоветовали задать вопросы музеям воинской славы:

— Вы видели муляжи наград советской поры. А вы спросите, почему нет даже муляжей наград царской эпохи. В залах представлены так называемые настольные — памятные награды, знаки отличия, а царских боевых наград нет даже копий. Также спросите, у всех ли муляжей есть оригиналы. Например, ордена Нахимова II степени мы на выставке специального фонда не видели. Орденов Славы не видели.

Коллекционер Александр Несмеянов высказал замечания к тому, как в ЦВММ представлены даже муляжи:

— Ну что это за стенд со списком названий? Ведь у каждого ордена, у каждой медали был хозяин, который, собственно, и передавал свои награды музею. У этого хозяина есть имя, есть заслуги или подвиг, за который эти награды получены. По делу, надо как в Музее политической истории — каждую награду представлять с описанием владельца и его подвига. Про то, что орден Нахимова I степени принадлежал адмиралу Владимиру Филипповичу Трибуцу, можно прочитать только на сайте. А то, что этот великий человек

в блокадном Ленинграде командовал Балтийским флотом, не узнаешь даже там. И как об этом узнать обывателю?

В процессе поиска ответов на вопросы на корреспондента «ВП» вышел еще один коллекционер, и руководитель поискового отряда «Невская оперативная группа» Андрей Федотов. У него оказалось еще больше вопросов к музеям. Он не может найти экспонаты, которые сам передал в дар Военно-морскому музею и Музею артиллерии: — Первая история уже в прошлом, но она показательна. В процессе поисковых работ на Невском пятачке я нашел самолет ИЛ-2. И оказалось, это очень интересный самолет. Я узнал его судьбу. Летчик Владимир Михайлович Павлов погиб в нем 18 января 1943 года. То есть это единственный самолет прорыва блокады. Других таких нет. Я передал его в филиал ЦВММ, в Музей «Дорога жизни». Привез, оформил информационные стенды — все за свои средства. Сначала они его радостно приняли. А потом начали крутить: не оформляют в фонды, и все. На все письма отвечают очень размыто. Потом Андрей Лялин (бывший директор ЦВММ, ныне проходит по уголовному делу о хищениях в музее во время переезда. — Ред.) сказал: еще будут письма — я этот металлолом на помойку вынесу.

Тогда, в прошлом году, Андрей Федотов обратился за помощью к председателю правления Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» Ирине Скрипачевой. И она 25 января 2014 года на круглом столе «Дорога жизни: Никто не забыт и ничто не забыто!», организованном по инициативе Общероссийского народного фронта, на котором присутствовал президент России Владимир Путин, задала главе государства вопрос про Музей «Дорога жизни».

Потом все помнят, что было. Через два дня началась комплексная проверка Центрального военно-морского музея, а через неделю в отношении его директора Андрея Лялина было возбуждено уголовное дело по недостатке 700 тысяч долларов. А в Музей «Дорога жизни» пошло финансирование.

— Сейчас у меня в разгаре история с Музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи. Я передал музею в дар ценные экспонаты. Вернее, не я, а наш поисковый отряд. Теперь я буквально не могу выяснить их судьбу.

Как оказалось, Андрей передал музею три экспоната:

— Уникальные лабораторные артиллерийские весы — пыленепроницаемый стеклянный шкаф (и сам бог велел Музею артиллерии иметь такой экспонат), походный подсвечник времен войны 1812 года, которые предполагалось разместить в экспозиции, посвященной Михаилу Илларионовичу Кутузову; военный телефонный коммутатор на 10 абонентов, найденный на Невском пятачке, тоже как нельзя лучше попадает в экспозицию войск связи.

После транспортировки этих экспонатов в музей с Андреем Федотовым стал общаться Александр Коновалов, который при артиллерийском музее заведует разделом истории кадетских корпусов России. Он устно сообщил, что все экспонаты отданы в музей, а в ответ на просьбу предоставить документы спросил: «А зачем они вам?»

— Мои объяснения, что документы необходимы для отчета о работе поискового отряда, не возымели должной реакции, — рассказывает Андрей Федотов, — и я до сих пор не могу получить ни бумаг, ни подтверждений, что экспонаты в музее, я даже не могу их увидеть.

Мы не хотим никого ни в чем обвинять, если, конечно, эта вина не будет доказана. Но многие случаи взаимодействия специалистов с музеями показывают, что фразеологизм «как в музее», олицетворявший надежность и сохранность, уже не актуален.

Многочисленные слухи о том, что фонды распродаются хранителями, иногда подтверждаются уголовными делами, которые, начиная с Эрмитажа, прогремели в разных музеях России. Возможно, что дыма без огня не бывает. Например, все коллекционеры-фалеристы помнят: в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи раньше горами на экспозиции лежали трофейные немецкие кресты. А сейчас ни одного не найдешь. Вот где они, например?

Мы просим развеять наши подозрения, ведь эти экспонаты — народное достояние. И вряд ли ветераны передавали свои награды музеям для того, чтобы в XXI веке их кто-нибудь продал ради личного обогащения.

Телехов Михаил

"Вечерний Петербург", 27 мая 2015 г.: [В военных музеях вместо боевых наград выставлены муляжи](#)